

РОМИ ХАУСМАНН

ПИСЬМА ИЗ
ТИШИНЫ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
Х26

Himmelerdenblau by Romy Hausmann © 2025 by Penguin Verlag,
a division of Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH,
München, Germany

Хаусманн, Роми.

Х26 Письма из тишины / Роми Хаусманн ; [перевод с немецкого А. Зубаревой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Германия).

ISBN 978-5-04-221256-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Шестнадцатилетняя Джули Новак исчезает из дома и с тех пор считается пропавшей без вести. Эта трагедия разрушает ее семью. И лишь отец девушки, Тео Новак, упорно продолжает поиски. С исчезновения Джули проходит двадцать лет. И вот Тео получает письмо от журналистки, которая утверждает, что наткнулась на новую зацепку в деле Джули. Но если он действительно хочет узнать правду о судьбе своей дочери, то ему стоит поспешить – ведь все его воспоминания стремительно накрывает тьмой деменция. Кто отнял у него дочь? Почему бывший парень Джули так тщательно охраняет спальню своей умершей матери от чужих глаз? И, наконец, кто начал писать ему электронные письма от лица Джули? Неужели она все еще жива?

Может ли быть что-то страшнее, чем не знать о судьбе собственного ребенка? Как оказалось, может...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Зубарева А., перевод на русский язык,
2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-221256-7

*Человек выбирает зло не потому, что
хочет зла; он ошибочно принимает его
за добро, которое ищет.*

Мэри Шелли

Однажды, давным-давно, жила-была рыбка, которая по ошибке заплывла в глубокую темную пещеру в Мексиканском заливе. Эта ошибка должна была стоить рыбке жизни, но бедняжка выжила. Она приспособилась — к холоду, к темноте. Она все меньше полагалась на зрение и все больше — на другие чувства. Неудивительно, что со временем рыбка изменилась.

Сначала исчезла окраска. Потом атрофировалась сетчатка. Глаза перестали развиваться, а потом и вовсе исчезли. Теперь рыбка слепа. Уродлива.

Но она выжила. Несмотря ни на что. Она стала такой, какой ее вынудила стать природа.

Интересно, что было бы, если б рыбке удалось вырваться из глубокой черной пещеры и выплыть на поверхность? Почувствовала бы она свет? Тепло? Смогла бы со временем к ним привыкнуть? Вернулись бы к ней глаза — и зрение? Или она бы...

Я замираю. Чужая рука уверенно ложится мне на плечо — и возвращает в реальность. Глубоко вдыхаю, пытаюсь унять дрожь в пальцах.

— Позволь ему обрести покой, — звучит как приказ.

Я понимаю, что сейчас лучше подчиниться. Но все равно... хочу попробовать прощупать почву. Должна попробовать.

— Слушай... может, помотришь в выходные, что там со светильником? — спрашиваю тихо, глядя на потолок, из которого торчат два оголенных провода, похожих на засохшие мертвые побеги.

— Посмотрим, — слышу в ответ.

Рука у меня на плече сжимается чуть крепче — как напоминание о том, *что* поставлено на карту. Я опускаю пальцы на клавиши и начинаю печатать.

«Ты должен перестать меня искать».

И мысленно добавляю: «Все равно ты меня не найдешь — здесь, в моей глубокой темной пещере».

1

СЦЕНАРИЙ

Десять дней назад

Тео

Щелк — и что-то переключается у меня в голове. Щелк — как старый тумблер. Загорается свет, и я понимаю, что сижу на стуле. Но я на него не садился. Вокруг — белые стены. Передо мной этот, как его там... Стол, вроде бы из вишни, а может, из красного дерева. Слева окно. Солнце. В воздухе танцует пыль. Не думай о деталях, Тео. Детали только отвлекают. От него. От мужчины. Худой, кожа серая, нос как у петуха. На нем белый халат. Я ощупываю свою грудь, смотрю вниз. На мне рубашка и вязаный кардиган. Где же халат? Да, на нем — мой халат.

— Тео...

Он знает мое имя. Откуда? Что, черт возьми, происходит? Я резко встаю — стул накреняется. Я точно помню, что не садился. Мужчина подскакивает и успевает подхватить стул прежде, чем тот упадет.

— Всё в порядке, — говорит он. Его голос спокойный и монотонный, словно анестезия в звуковой форме.

Я хватаюсь за голову — она гудит. Препарат из десяти букв: суфентанил. $C_{22}H_{30}N_2O_2S$. Синтетический опиоид. Самый сильный из разрешенных в медицине. Регистрационный номер: 641-081-8. Теперь понятно. Он меня накачал. Накачал и усадил на этот чертов стул. Надо бежать. Немедленно.

Бросаюсь к выходу, но он, прихрамывая, догоняет меня у самой двери.

— Видишь? — говорит. Как будто что-то доказывает. Только я не понимаю, что именно. Я его не знаю. Он чужой. Нет... не совсем. Он — смазанное ощущение. Он — боль.

— Пожалуйста... — Тянусь к дверной ручке. — У меня есть жена. Вера. Она ждет меня к ужину.

Он осторожно касается моего плеча, медленно качает головой и все тем же ровным голосом говорит:

— Вера не ждет тебя, Тео. Она умерла. Четыре года назад.

— Умерла... — повторяю хрипло. Пытаюсь вспомнить какое-нибудь оскорбление, но по щекам уже текут слезы. Ублюдок. Вспомнил. Я злюсь на себя за то, что не вспомнил раньше.

Худой мужчина с носом как у петуха — это Клаус, Клаус Деллард. Мнит себя корифеем в области неврологии и психиатрии. А на деле — обычный ублюдок. Самодовольный болван.

Вместо того чтобы оставить меня в покое, он позволил Софии. Она приехала за мной, будто мать, забирающая нерадивого сына из кабинета директора. «Прости, Клаус. Видимо, сегодня у него один из плохих дней. Хорошо, Клаус. Я о нем позабочусь, Клаус».

Клаус... тьфу.

— Может, ты все-таки сам сел на тот стул? — говорит она сейчас. — Ты ведь был на приеме. На приемах обычно садятся. Это нормально.

Я фыркаю. Лучше б она вообще не приезжала. Мне семьдесят четыре года, я могу поехать на автобусе. Любой дурак может. Как бы еще я добрался до клиники?

— Пап?

— Что этот кретин про меня наплел?

— Клаус? Ничего. Никто ничего про тебя не говорил.

— Не ври, София.

Наверняка и о Вере говорил. Можно подумать, я и сам не знаю, что она умерла. Можно подумать, меня там не было и я не держал ее за руку. А слова о том, будто она ждет меня к ужину, — просто оговорка. Сейчас день, 12:43 — смотрю на часы в машине Софии. Я хотел сказать «к обеду». К обеду, не ужину.

— Мне позвонили из регистратуры и спросили, не могу ли я тебя забрать. Вот и всё, пап. Правда, — говорит София.

Косой взгляд и эта ее дежурная улыбочка, которая должна меня подбодрить. Ненавижу, когда она так улыбается.

— Наверняка он опять что-нибудь тебе...

— Пап, ну хватит. Ты все время был рядом. Когда бы он успел мне что-то сказать?

Смотрю на нее. Она похожа на Веру в молодости, только... более жесткая. Черты лица резче, между бровей глубокая складка. Цвет волос другой. Ужасный, к слову.

Я считаю. Сейчас Софии должно быть тридцать четыре года — столько было Вере, когда она родилась. 2876 граммов, 47 сантиметров. Крохотная, как червячок. Ха! А еще утверждают, что у меня с памятью плохо...

Нужно выяснить, говорит ли София правду. Уверен: если Деллард и правда вбил ей в голову, что я забыл о смерти ее матери, она не сумеет это скрыть. Это будет тест. Да. Я устрою ей проверку.

— Твоя мать... — говорю и замолкаю. Жду ее реакции.

— Что с ней?

— С кем?

— С мамой. Ты хотел что-то сказать о маме.

Моя Вера... Я улыбаюсь.

— Она была такой красивой... — Я смотрю в окно, на небо. — Ты ведь помнишь, какой она была, София? Помнишь?

— Конечно, пап. Она была очень красивой.

— И не только снаружи, правда ведь? Внутри она тоже была красивой. Верила, что истинная суть человека заключена в его сердце.

— Да. Мама была особенной.

— А я изо дня в день резал грудные клетки, чтобы снова и снова убедиться: сердце — это просто кусок мяса. Но твоя мать... она была безнадежным романтиком. Всю жизнь полагалась на этот кусок.

Я вздыхаю. И вдруг вспоминаю, почему вообще заговорил о Вере. Наверное, хорошо, что она не видит происходящего, ведь истинная суть человека находится совсем не в сердце. Она — в голове. В лобной доле. *Lobus frontalis*.

— Да, мама была особенной. И будь она здесь, то посоветовала бы тебе дать Клаусу шанс. Он ведь и правда компетентный врач. И чуткий к тому же.

Я смотрю на Софию. Длинные, окрашенные в черный волосы оставили на футболке влажный след. Должно быть, она была в душе, когда ей позвонили из клиники.

— И с чего ты взяла, что он «компетентный»? Только потому, что на нем белый халат?

— Халат, папа.

Я уже открываю рот, чтобы возразить, и София добавляет:

— Прости. Я думала, тебе будет спокойнее с человеком, которого ты знаешь, чем с каким-нибудь чужаком, для которого ты — просто медкарта. Тем более что вы с Клаусом долго работали вместе. Он твой друг.

Звучит как вопрос. Не вижу смысла отвечать. Клаус Деллард никогда не был моим другом. Он — надутый индюк. Я и раньше терпеть его не мог. А теперь и подавно.

Мы молчим, молчим довольно долго. Потом София говорит:

— Я звонила Рихарду насчет твоей машины. Он заедет за ней после работы.

— Ага... — Значит, я все-таки приехал в клинику не на автобусе.

Точно. Не на автобусе. Да. Темно-зеленый «Сааб» 2011 года выпуска, стоит там, на этой, как ее... морковке у клиники.

— Рихард — это...

— Твой муж. Я не идиот, София.

— Я вовсе не хотела...

— Помолчи.

София послушно замолкает. И правильно — тишина лучше. Впрочем, спустя два светофора мне уже стыдно. София была такой крошечной, когда родилась... Совсем червячок. Снова смотрю налево.

— Ты у меня тоже красивая.

— Спасибо, папа.

— Только вот волосы мне не нравятся.

— Я знаю, папа.

Снова смотрю в окно, вверх, в небо, в синеву. Ты где-то там, Вера? Видишь меня? Если да — лучше не смотри.

Деллард говорит, я изменюсь. София говорит, уже изменился. Тру глаза, а заодно и лоб — пусть думает, что я про-

сто потею. Ну а что, жара, лето — нормально ведь... Кто не потеет — тот труп. Или страдает ангидрозом — отсутствием потоотделения, чаще всего генетического. Выраженный ангидроз может нарушить терморегуляцию, в худшем случае привести к тепловому удару. А тот, в свою очередь, — к смерти. Я же говорю: кто не потеет — тот труп.

Снова вытираю лицо. Не потому, что плачу. Нет-нет! Я вообще никогда не плачу! Ну, почти никогда. Но сейчас точно не плачу. Сейчас я просто здоровый, бодрый, живой человек, который потеет. Вот и всё. Ха!

Весело оглядываюсь на Софию, но она на меня не смотрит. Сосредоточена на дороге. И правильно — водит она так же ужасно, как красит волосы.

— Если хочешь, я поднимусь с тобой, — говорит она, когда мы останавливаемся у шестиэтажного жилого дома в Шпандау. — Выпьем кофе.

Я качаю головой и открываю пассажирскую дверцу.

— Второй этаж, парковочное место шестьдесят восемь. Между серебристым «Ауди А6» и красным «Мини Купером». Если они, конечно, еще будут там вечером.

София смотрит на меня озадаченно.

— Рихард, — напоминаю я. — Он должен после работы забрать мою машину.

Я шарю по карманам брюк и кардигана, пока наконец не нахожу ключ. Только собираюсь положить его в подстаканник, как София говорит:

— Может, пусть пока машина постоит у нас в Вайсензее?

Я замираю с ключом на весу.

— Тебе больше не стоит водить, папа. — Взгляд Софии мечется — видно, как тяжело ей смотреть мне в глаза.

— По закону на ранних стадиях еще можно...

— Папа, пожалуйста.

Роняю ключ в подстаканник, выхожу из машины и направляюсь к подъезду. Слышу, как София глушит двигатель, потом — как хлопает дверца.

— Папа!

Я оборачиваюсь. София выглядит грустной. Влажные волосы прилипли к щекам, плечи опущены, уголки губ тоже. Через мгновение она подбегает и обнимает меня так крепко, что кажется, будто ее сердце бьется у меня в груди. Я терплю, пытаюсь не злиться, не злиться на Софию, которая думает, будто все можно уладить объятиями. Пытаюсь не злиться на Клауса Делларда, этого глупого надутого индюка. Пытаюсь не злиться на весь чертов мир, который будто ополчился против меня. Пытаюсь не злиться на Бога — в которого я вроде как не верю, но который, возможно, все-таки есть и хочет доказать мне свое существование, отнимая последнее, что у меня есть. До сегодняшнего дня я был уверен, что есть две вещи, которые останутся со мной до конца, что бы ни говорил о моем состоянии тот пустоголовый кретин. Останутся не в сером веществе за лбом и, возможно, даже не в куске мяса, где бы их искала Вера. Они глубже, вгрызлись в кости, в самую суть меня. Я дышу ими — каждый день, каждый час, каждую секунду.

Первое — это смерть Веры.

Я мысленно возвращаюсь в кабинет Делларда и вынужден признать: он все-таки застал меня врасплох. Пусть и всего на долю секунды. Но если это смогло случиться, что тогда со вторым? Что с тобой, Джули? Что, если однажды утром я проснусь — и забуду, что ты когда-либо существовала? Наверное, в тот день я покончу с собой. Как под гипнозом. Не имея ни малейшего понятия почему.

Я отталкиваю Софию от себя и говорю:

— Уходи.